

**Напуганные
Небеса!**

10 октября 1941 года. Пятница. Утро. Трава еще покрыта изморосью. Солнышко нехотя, сонливо окинуло желтым глазом деревню. Тишина. Не лает ни одна собака, как будто их и нет вовсе. Попрятались, что ли? К чему бы? Странно это очень. Почти в каждом дворе жила собака. В основном одной породы — деревенская дворовая лайка. Почти всех собак в деревни звали Мухтарами!

Над полянами, низинами и лесными опушками поднимается ленивый туман. А чего ему спешить, раз солнышко не торопится его прогнать, а сам он тоже никуда не торопится. Хорошо ему в низинах да на опушках дремучего и страшного безгачевского леса. Лес так называется по названию деревни — Безгачево. А Безгачево — потому, что кругом болота и без гати не пройдешь. Диких зверей: кабанов, лосей, волков — в нем не то что много, а очень много. Местные охотники и медведя видели в углу леса, что ближе к болотам. А зимой голодные волки так прямо к деревне подходят, бывает, что и по деревне пробегают. Собаки тогда аж захлебываются в лае.

Довольно холодно, однако. Сговенский пруд покрылся коркой тонкого льда. Сговенский? Да. Потому что рядом с ним складировали навоз из коровника. Отсюда и название.

Но дети в жару охотно купались в той части пруда, отдаленной от навоза. А больше воды не было. До речки Бойни почти три километра через лес. Правда, было в деревне 3 колодца, по колодцу на 20 домов. Один — в цен-

тре и по колодцу в каждом конце деревни. Но в колодце в том конце деревни, что ближе к болотам, вода была плохая, с коричневым оттенком, пахла болотом, и в ней плавало много различных жучков-паучков. Поэтому сельчане с того конца деревни ходили за водой к центральному колодцу. Далековато, но зато там была прозрачная и вкусная вода.

А купаться можно было только в пруду. Сколько же в нем жило лягушек, жуков-плавунцов, паучков разных! И, поговаривают, даже караси в нем жили. Только их почему-то никто не ловил.

Дом Бурмистровых находился в центре деревни, на пересечении сельских дорог. В доме уже шла размеренным чередом устоявшаяся годами жизнь. Бабушка Ульяна затопила печь и поставила на плиту вариться чугунок с картошкой и в таком же чугунке пшеннную кашу. На молоке. Четырехлетняя внучка Тамара, озорница и говорунья, называла ее цыпленкиной кашей под одеялом. Под корочкой. Она, корочка, румяная такая. И вкусная. Очень вкусная! Особенно если посыпать на корочку немного сахарного песку. Но это возможно было только по церковным или по новым праздникам, однако и этого было вполне достаточно, чтобы ребенок ощутил радость жизни. Сначала снимаешь румяную одеяло-корочку. Съедаешь ее — и кашу можно не есть. Пусть младшая, двухлетняя Галя, ест.

Дочь Зоя пошла в хлевник доить корову и задать корм овцам, курам и вечно голодному Буржую. Хряку. Сколько ни дашь — все съест.

Внучки Тамара и Галя спали. С ними в комнате спала и средняя дочь Тоня, приехавшая из Куйбышева

погостить в отпуск. В другой комнате спал сын, младшенький. Андрейка. 17 лет.

Пес Мухтар спрятался в будке, как будто предчувствовал нехорошее что-то, и по своему обыкновению не встретил хозяйку вилянием хвоста, преданным умиленным взглядом и радостным приветствием-повизгиванием. Опять же, может, и косточку какую хозяйка на завтрак даст.

Обычное осеннее утро в деревне.

2

К дому председателя сельсовета Ивана Зайцева прискакал всадник. В военной форме. Минут через пять военный вышел, сел на коня и поскакал в сторону деревни Батино.

В доме Ивана раздались крики. Иван выскочил из дома в нижнем белье и побежал к столбу, на котором висел кусок рельса. Подбежал. Стал железным билом от малого церковного колокола бить по рельсе. Редко. Бам-м-м! Бам-м-м! Тревожно так — бам-м-м!

Из домов повыбегали люди. Пошли к столбу. Сбились в кучу. Прижимаются друг к другу.

Иван посмотрел на людей. Все молчали.

— Собирайтесь. Немец на Ржев рвется. Мужики и парни, кто есть, через час чтобы тут были. Им на Зубцов велено идти. Старший с батинскими ополченцами будет. Оружие там дадут. А вы, бабы, к утру собирайтесь. Особливо те, у кого мужья, или отцы, или еще кто в армии, или партийные. Завтра с Батино люди пойдут. И мы пойдем. На Старицу.

В обход Ржева. Брать только необходимо. Утром сбор.

Где-то очень далеко по-над всем лесом разносились глухие раскаты. Даже и не поймешь сразу, где грохочет. Бам-м-м-м-м! Бум-м-м-м! М-м-м!

Молча разошлись, быстро засеменили к своим домам.

Не было ни криков, ни ругани. Да и разве поможешь тут криком и слезами! Всем было понятно, что беда пришла. Большая беда. И большое горе. И от них не увернешься, не отмолишься. Надо собираться.

Андрейка засобирался. С детства хромой, ногу сломал, когда в канаву упал, та срослась сама собой. Был не годен к службе в армии.

Ульяна только промолвила, мол, куда ты, хромый, собираешься. Проку от тебя никакого не будет. Да куда там! Насупился. Положил в мешок портянки, подорожное полотенце. Отрезал кусок сала, взял пару луковиц, завернул в тряпичку вместе с половинкой хлеба. Налил из ведра воды в солдатскую фляжку. Тоже сунул в мешок, мешок затянул веревкой. Оделся. Подошел к матери. Молча.

Ульяна заплакала. Обняла. Поцеловала в лоб, в глаза. Обреченно прижала сына к себе.

— Иди, раз решил. Храни тебя Господь.

Перекрестила.

Четвертый уходит. Считай ушел.

Старший сын уехал лет 5 уж как к отцу, бывшему мосягинскому уряднику, сбежавшему в Сибирь. Так оба и канули. Ни весточки какой за все время.

Сначала мужа не трогали, никто в общем-то особо и не вспоминал, что муж служил урядником в деревне